

ГЛАВА 1

1917 год

Ранним туманным утром Варнака разорвало вражеским снарядом. И все, нет теперь Варнака.

Ох, сколько же этих снарядов у германца! Русская пушка пару раз в день выстрелит. А тевтоны ровно по часам грохотать начинают и снарядов не жалеют. Земля трясется, комья летят. Перепахиваются позиции. Кажется, никто не выживет. Но православные выживать приспособились, так что с этих артобстрелов потери не так уж и велики. Но вот только страх канонада нагоняет лютый, и привыкнуть к ней не получается. И так день за днем.

Но иногда снаряд все же найдет русского человека. Вот как сейчас — Варнака.

Испытывал ли товарищ убитого Гордей Бекетов по этому поводу горе или хотя бы сожаление? Нисколько. Только лишь одно чувство неудобства, которое повлекла за собой эта кончина.

Эх, не успел Варнак совсем немного. Хотели они с Бекетовым в ближайшие дни заканчивать

с опостылевшей войной. Каким образом? Сперва думали перебежать к германцу. Ну а что! Многие перебежали, поскольку германец обещал пленных сытно кормить, да еще неплохо платил за принесенное с собой оружие и снаряжение. Даже поговорка ходила по окопам: «За горох и чечевицу убегаю за границу». Но передумали. Боязно как-то с этими немцами связываться, все же непонятный они народ, не свой. Лучше уж в тыл. Теперь придется Бекетову идти одному. Сегодня же. Смерть Варнака — это божий знак, означающий, что пора бежать. Еще одной зимы в окопах не выдержать.

Бекетов погладил себя по пузу, где в матерчатый пояс были вшиты трофеи с мародерки. Мародерничал он вместе с Варнаком. Тот был родом с Урала, и все его предки и земляки веками занимались разбоем на большой дороге, за что их клеймили, вешали, пороли, выселяли. Но они все равно возвращались в свои места и продолжали разбойничать.

Первые годы войны за мародерство и расстрелять могли. Но порядок уже давно не тот. В окопах брожение. Никакие военно-полевые суды не помогают. Надоела всем война. Надоели офицеры. Надоел и сам царь батюшка. У всех была страшная усталость от окопов. И еще людьми овладевало предчувствие какой-то грандиозной грядущей перемены.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Некоторое время назад сам Бекетов испытывал дичайшую, корежащую душу злость — на войну, на командиров, на царя. Теперь осталась лишь пустота. Бездонная пустота, в которой копошилась алчная и жестокая тьма.

Солдаты бежали от войны, как только могли. Никто не хотел умирать. Дезертирства стали массовыми. А еще пошла мода на самострелы. Пальнешь себе в кисть левой руки, и пусть ее хирург оттяпает, но зато домой отправишься. Но вот только военные врачи научились почти безошибочно выявлять самострелы, так что часто кончались подобные забавы военно-полевыми судами. Как-то Бекетов по пустяковой ране попал к медикам. Так уставший доктор поведал, что нынче каждое пятое ранение у солдат — это самострел.

А как все красиво начиналось! Как в первые дни войны в порыве верноподданнического патриотизма толпы добровольцев рвались наказать зазнавшегося тевтона! И что теперь эти добровольцы думают о своих недавних высоких душевных порывах, если, конечно, живы?

Война, будь она проклята! Низкое, давящее серое небо. Холод. Грязь. Канонада. Передовая. И ставший домом окоп. Впереди — колючая проволока, заграждения. А за ними немцы. Наверное, не такие уставшие. Более сытые. Если у них столько снарядов, то консервов, по всей вероятности, никак не меньше.

От мыслей о консервах заурчало в животе. Бекетов вздохнул. Приподнялся так, чтобы ненароком не выглянуть из-за бруствера и не стать жертвой шальной пули. Сжал сильнее трехлинейную винтовку Мосина. Поморщился — в боку стрельнуло. Все же тридцать восемь лет вчера стукнуло. А это уже давно не тот возраст, чтобы без последствий для здоровья мерзнуть по окопам.

«Все. Решено. Ухожу!» — подумал он и, пригнувшись, отправился тем самым путем, который они давно продумали с Варнаком.

Он выбрался за линию окопов, где никто не обратил на него внимания. И двинул по лощинке да по низу оврага напрямик к ближайшей деревне. Потом выйдет на тракт и доберется до железной дороги. А там — поминай как звали. В тыловом хаосе можно затеряться без труда. А дальше — вагоны, перестук колес. И тихое село на юге России. Родной дом. Родная опостылевшая жена. Там он надежно затаится. И никакие жандармы его не найдут. Тем более дорогих цацек — карманные часы и даже золотишко, на мародерке он поднакопил.

Бекетов скользил по снегу. Утопал в сугробах. Но все-таки вышел на протоптанную тропинку, идущую в овраге вдоль замерзшего от мороза ручья. Оставалось пройти километра три. И не будет ни взрывов, ни стрельбы.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Тут и столкнулся он чуть ли не нос к носу с командиром роты капитаном Лазаревым. Некогда статный и высокомерный блестящий офицер ныне был потрепан, почти не следил за собой, его щеки поросли темной неаккуратной щетиной. А во взгляде застыла какая-то обреченность.

Капитан отсутствующе посмотрел на своего солдата — невысокого, сухощавого, жилистого, с некрасивым рябым лицом и глубокими морщинами на лбу. И будто не узнавал его. Потом больше для порядку взревел:

— Бежать задумал, отродье?

— В деревню, ваше благородие! — хмуро ответил Бекетов. — В животе у нас черти в пляс пустились. Обменяю что-нибудь на еду.

— Обменяю, — передразнил Лазарев. — За оставление позиции и промотание имущества знаешь, что бывает!

— Так голодно же, выше благородие!

— Тьфу, темнота, — махнул рукой капитан. Повернулся и зашагал в сторону передовой.

То ли разрешил, то ли нет. Но это уже и неважно. Да, не тот капитан Лазарев стал. Раньше сразу бы в зубы дал. Но растерял былой задор. Выпили окопы его былую душевную силу.

Бекетов задумчиво посмотрел вслед своему командиру. Тут налетел порыв ветра, пробился мороз через латаную-перелатаную, потертую и совсем не греющую солдатскую шинель. Тя-

жело в такой шинели в окопах. И до дома еще добираться. А у капитана шинель вон какая — новая, теплая. Да и часики его... Да и вообще...

Сняв винтовку с плеча, Бекетов прицелился. Да и выстрелил командиру метко в затылок.

Капитан повалился в снег, как сноп. Даже вскрикнуть не успел. А убийца неторопливо направился к нему.

И едва сам не упал от неожиданности, когда услышал окрик сзади:

— Замер! Винтовку опустил! И не балуй!

Сразу стало еще холоднее. Онемевшими руками Бекетов, понявший сразу, что сейчас лучше не дергаться, а то схлопочешь пулю от обладателя столь уверенного голоса, кинул свою добрую потертую трехлинейку на снег. И осторожно обернулся.

Сзади стоял, поигрывая револьвером, прапорщик Кугель. И откуда только появился, как черт снежный? И что им всем именно сегодня надо на этой тропинке?! Вот же судьбинушка клятая. Как будто Бог обиделся сегодня на солдата.

Прапорщик пристально рассматривал солдата, целясь ему из револьвера в лоб. Потом глумливо улыбнулся и опустил оружие.

Звали этого высокого, плечистого и стройного молодого человека с насмешливым взглядом Львом Кугелем. И был он фигурой совершенно непонятной и сильно странной. Такая воистину

БЕСОВСКАЯ БАНДА

темная лошадка, от которой не знаешь, что ждать и когда она взбрыкнет. С одной стороны, в его голубых глазах читалось стойкое презрение ко всей окружающей действительности. Он будто отодвигал ее от себя. С другой — с его приходом в роту стали появляться листовки, призывавшие к революции. Бекетов был уверен, что именно прапорщик их подсовывал. Да и разговоры вел подрывные: мол, задуматься пора, как дальше жить простому крестьянину, ибо скоро батюшке-царю конец. Все долдонил, что есть люди, которые выступают за крестьянскую вольницу и достаток — это левые эсеры, самая боевая революционная партия. Скорее всего, он сам и был эсером, которого, не разобравшись, со студенческой скамьи военные бюрократы призывали в армию. Сейчас всех образованных призывали и после кратких курсов производили в прапорщики, поскольку младшие офицеры на войне долго не живут и постоянно требуется их пополнение.

Прапорщик Кугель подошел к распростертому на земле капитану. Посмотрел внимательно на уже отдергавшееся тело. Пнул сапогом и сказал:

— Жалкая прислуга эксплуататоров и царских сатрапов. Так со всеми будет.

Потом вперился глазами в Бекетова. Тот подумал, что сейчас прапорщик выстрелит в него. Но Кугель лишь пафосно изрек:

— Новые времена наступают! Крестьянин на Руси свою судьбу в свои же руки возьмет! И перебьет кровопийц!

Бекетов боялся лишний раз вздохнуть. Все ждал выстрела из нагана. Но прапорщик как-то рассеянно посмотрел на него и махнул револьвером:

— А ты иди, солдатик. Зови Русь к топору. Пусть сильнее грянет буря. — Какой-то лихорадочный блеск появился его в глазах.

Потом Кугель подобрал винтовку. И неторопливо пошел прочь, в сторону передовой.

Бекетов простоял как вкопанный некоторое время. А потом кинулся к капитану, стягивать с него офицерскую гимнастерку и шинель. Шарить по карманам. Дорога предстояла дальняя. И в ней пригодится все...

ГЛАВА 2

1932 год

Каким образом Исай Апухтин успел пригнуться — он и сам не понял. Будто что-то дернуло его и голос с небес велел: «пригнись». И он, не думая, отпрянул назад. Согнулся. И прямо по волосам над его макушкой прошелестело лезвие увесистого и, наверное, острого топора. Таким вполне можно смахнуть голову.

Не удержавшись на ногах, Апухтин сделал еще шаг назад и упал на пол, больно прило-

БЕСОВСКАЯ БАНДА

жившись спиной о стену. Под рукой что-то треснуло, хрястнуло. И он почувствовал, как рассекается кожа на ладони, наткнувшейся на какую-то железяку, брошенную на лестничной площадке. Боли почему-то не было совсем, но понятно, что рана глубокая и сейчас кровь хлынет потоком. Хотя не об этом надо думать! Выжить бы!

Другой рукой он рефлекторно заслонился солидным кожаным портфелем с золотистыми застежками, который везде таскал с собой. Подарок дяди Яши, единственная дорогая вещь. И возникло совсем уж странное сожаление — не о себе, а о том, что если сейчас рубанут по нему лезвием топора, то разрубят такую хорошую вещь.

Какой идиот сказал, что главное оружие следователя — это авторучка? Какой толк от этой несчастной авторучки?! Сейчас бы двустволку с жаканом на медведя! Потому что тот, кто едва не снес следователю голову, походил именно на разъяренного косолапого, которого ничем, кроме жакана, не остановить.

Вот она, смерть, рядом. Только не с косой, а с топором. И конец всем планам и надеждам. Обидно до ужаса! Ведь всего-то Апухтин хотел принять участие в обыске и задержании преступника, которого он так тщательно и настырно искал.

Чего у Апухтина не отнимешь — это природной цепкости и ненависти к любому поражению. Вот и вцепился он, как бойцовый бульдог, в то зависшее дело с нападением на кассу лесхоза. Бандиты с особой дерзостью похитили крупную денежную сумму, предназначенную на зарплату и расчеты, а также расстреляли из обрезов троих человек.

Отработали оперативники уголовного розыска по этому делу тщательно. Проверяли десятки людей на причастность. И хоть бы что — дело так и оставалось глухим. Ровно до той поры, пока за него не взялся молодой прокурорский следователь Апухтин. Он с воодушевлением принялся перепроверять, казалось, уже навсегда отпавшие версии. В итоге подработал одну из совсем незаметных фигур — женщину из правления лесхоза. Была она блеклая, снулая и вообще никакая. Как такую заподозрить в злом умысле? Но едва Апухтин заговорил с ней, будто в груди что-то уколело, и возникла уверенность: «Она!»

Он настоял, чтобы оперативники уголовного розыска занялись ею предметно, с применением всех специфических методов агентурно-оперативной работы. Сумел зажечь в них уже прилично потухший по отношению к этому делу энтузиазм. В общем, подняли ее подноготную. Установили скрытое наблюдение. А потом хитрыми путями донесли до нее, что она теперь

БЕСОВСКАЯ БАНДА

главная подозреваемая и скоро ее могут прийти арестовывать. Эта дура тут же и кинулась к своему подельнику — жаловаться на жизнь и требовать немедленно ее спасти. Кстати, тот оказался ее двоюродным братом и заслуженным рецидивистом. О наличии такого родственника она скромно умалчивала.

Во время встречи в частном доме на окраине Свердловска их и взяли. При обыске глубоко в подполе нашли часть похищенных денег, которые преступники так и не успели потратить. Долго упираться они не стали. Сначала раскололась женщина, а потом и ее двоюродный брат. И по их показаниям возникла зловещая фигура главаря этой шайки. Тот носил кличку Ксендз, происходил откуда-то из Польши и еще при царе людей грабил и убивал. О том, где он скрывается, арестанты не знали.

Поиск главаря банды затянулся на полтора месяца. Наконец, угрозыск выяснил, что Ксендз три месяца жил у них прямо под носом. Снимал комнатенку в центре Свердловска, в старом трехэтажном здании — бывшем доходном доме купцов Востротиных. Как раз рядом с городским управлением рабоче-крестьянской милиции.

Начальник угрозыска Кречетов, получив информацию, тут же собрал группу захвата и объявил следователю, что едет брать душегуба. И Апухтин со всем своим молодым задором на-

просился в компанию — мол, чтобы сразу все оформить на месте, произвести обыск, первоначальный допрос.

Вошли они в богатый подъезд дома Востротинных. Поднялись на третий этаж. На стук в дверь никто не ответил. Сережа Лисин, ныне опер, а в прошлом человек с богатой биографией, поковырялся отмычкой несколько секунд в замке. И толкнул дверь, приглашая войти. После чего они с Кречетовым двинули внутрь, велел следователю:

— Жди, пока не позовут!

А потом в квартире послышался дикий грохот. Матюги. Вопли. И из дверей на лестничную площадку вывалился звероподобный громила с топором.

И вот Апухтин съезжился на полу, прикрываясь портфелем и ожидая, что его сейчас забьют, как барана.

Но мысль у бандита была одна — вырваться и убежать. А для этого снести все преграды на своем пути. Больше не обращая внимания на лежащего на полу следователя, он ринулся вниз по лестнице. Ноги его заплелись. Он упал, прилично приложившись о ступени. Как-то тяжело поднялся. И двинул дальше.

Тут сосулькой в сознание Апухтина воткнулась мысль, от которой он весь замерз. А ведь сотрудников розыска, скорее всего, этот зверюга

БЕСОВСКАЯ БАНДА

просто порубил на куски. Они даже выстрелить не успели.

И тут из дверей показался покачивающийся Кречетов. Левый рукав его драпового пальто был пропитан кровью, но начальник угрозыска не обращал на рану внимания. Он перегнулся через перила. Поднял руку с наганом. И выстрелил три раза.

После первого выстрела шустрый Ксендз споткнулся, уцепившись за перила, но тут же ринулся дальше. После второго упал на колени и пополз. Третьим выстрелом его уgomонили окончательно.

— Вот же... — Кречетов болезненно поморщился.

— Черт, убили. И допросить некого, — разочарованно произнес Апухтин.

Кречетов посмотрел на него изумленно...

Слава богу, Ксендз никого до смерти не зарубил. У Кречетова был глубокий порез на руке. Лисина бандит рубанул по бедру, но кость не переломил. Ему перетянули ногу жгутом и спасли от опасной потери крови. Так что будет жить, ходить. И служить, несмотря ни на что.

Апухтин заявился домой уже поздней ночью с перевязанной ладонью. Аглая, молодая и вечно насмешливая, но страшно любимая жена, оглядела его критически и потребовала:

— Ну, боец правосудия, рассказывай.

Он пожал плечами:

— Да ничего особенного. Споткнулся на лестнице. Порезался.

— В подробностях, — строго потребовала Аглая, отлично видевшая, когда муж юлит.

Сколько он сам колот преступников. Но так, как жена его умеет раскалывать — в два слова и в один взмах ресницами, — тут можно только позавидовать.

Выслушав сбивчивый рассказ мужа и приперев его наводящими вопросами, Аглая только вздохнула:

— У всех евреи как евреи, то есть богатые адвокаты. И только у меня следователь.

— Сама-то, — скривился Апухтин.

Жена работала в Управлении юстиции Уральской области и вскоре должна была стать областной судьей. Кроме того, она была всегда по макушку погружена в партийные дела и общественную жизнь, жгла глаголом сердца, звала на трудовые подвиги людей, сама шла в первых рядах и вечно находилась в центре внимания. То есть являлась полной противоположностью тихому и скромному в быту мужу, не любящему суету вокруг собственной персоны, но методично и неумолимо делающему свое дело. Вот и сошлись, как положено по диалектическому материализму, две противоположности, образовав в борьбе единство.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

— Ну, так я же русская. — С улыбкой она взлохматила ему голову. — Мне расчет вреден. Мне полет нужен...

Начальство оценило заслуги Апухтина по достоинству. Уже через несколько дней, 14 января 1932 года, ему в торжественной обстановке в актовом зале областной прокуратуры вручили памятные часы за изобличение опасной банды. 16 января он отпраздновал свой двадцать четвертый день рождения в очень узком кругу — только он и жена. А 17 января его пригласили на доверительную беседу в Уральский обком.

Принял его второй секретарь обкома Личутин — невысокий, лысый, как колесо, и очень энергичный толстяк. Он отвечал за партийное руководство судебными и правоохранительными органами. Апухтин не раз видел его на всяких собраниях в областной прокуратуре, но лично знаком не был. Слишком высокого полета эта птица, чтобы ручкаться с ней простому следователю. Но сейчас секретарь обкома сам протянул руку. И рукопожатие у него было по-пролетарски крепким.

— Молодец! Настоящий зубр правосудия, — улыбнулся секретарь, приглашая гостя присаживаться. — Наслышан я о тебе давно, товарищ Апухтин. Знатно ты поголовье душегубов в нашей области проредил. Так и должен бороться за правое дело настоящий коммунист.

— Спасибо. Готов служить партии на самых трудных участках, — дежурно отрапортовал Апухтин.

— И это правильно, — обрадовался его словам секретарь обкома и лукаво поглядел на следователя. — Особенно насчет участков. В корень глядишь.

Теперь стало совершенно ясно, что хозяин просторного кабинета с чередой портретов классиков марксизма-ленинизма на стенах куда-то клонит и к чему-то подводит.

— Бандитизм — это родимые пятна старого общества, тяжелое наследие гражданской войны, — напутственно произнес секретарь обкома. — Но мы справимся. С такими коммунистами, как ты, молодыми, надежными, мобильными, — да нам любое дело по плечу.

— И на какой меня участок? — со вздохом спросил Апухтин, оценивший слово «мобильность» и уверенный, что сейчас его зашлют куда-нибудь к чукчам создавать и крепить социалистическую законность. Иначе к чему бы такие изошренные заходы издалека?

— Ну что за паника? — с пониманием посмотрел на него секретарь обкома. — Не бойся. Хорошие места. Теплые. Товарищи с Ростова-на-Дону просят помочь. Очень их лихой народец в последнее время донимает. А мастеров не хватает. Ты же у нас мастер по убийствам.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

— По раскрытию убийств, — поправил Апухтин, немножко расслабляясь.

Зазвенела в его душе давно уснувшая врожденная практическая жилка. Ростов-на-Дону. Это тепло, солнце, фрукты. Это вам не Урал с его переменчивыми погодами и лютыми морозами. Да еще Аглая — она же из Воронежской области. Рядом совсем.

— Это ты правильно поправил, — улыбнулся секретарь обкома. — Получишь сегодня же на работе направление. На должность оперуполномоченного Управления рабоче-крестьянской милиции Северо-Кавказского края.

— Я же прокурорский работник! — протестующее воскликнул Апухтин.

— Сегодня прокурорский. Завтра — в милиции. Послезавтра в ОГПУ. Но ты прежде всего коммунист, Исай Лазаревич. А партия приказала.... Или есть возражения?

— Какие там возражения, — махнул рукой Апухтин.

Он спустился по гранитным ступеням Урал-обкома в каких-то раздраенных чувствах. Да, южный климат и фрукты — это, конечно, хорошо. Да и Свердловск его ничем не держит — это не его родной город, хотя и прижился тут за три года. Но сколько же проблем свалится. Переезд на новое место. Новые сослуживцы. Жилье. И, главное, что делать с работой Аг-

лаи? Вряд ли она сейчас снимется с места, хоть и в родные края. У нее своя работа, тоже важная и ответственная. И у нее тоже множество обязательств.

Да ладно, плевать! И правда, тут главное, что это партийное поручение. А коммунисты от них не отказываются. Иначе в партии делать нечего...

ГЛАВА 3

1917 год

До дома Бекетову так и не удалось добраться. Заграбастали его жандармы на железной дороге еще в прифронтовой полосе. С фронта теперь солдаты бежали целыми подразделениями, часто с оружием. Они бесчинствовали, сколачивались в воровские и разбойничьи шайки, так что спасу обывателям от них не было. И теперь специальные усиленные отряды жандармерии тщательно проверяли все поезда и с готовностью стреляли при малейшем неповиновении.

Бекетова и еще двоих дезертиров с мешками, полными награбленного барахла, сняли с набитого народом, как бочка сельдями, вагона. Кинули в камеру в старинном заброшенном монастыре с толстыми мшистыми стенами, отлично сгодившемся под военную тюрьму.

В начале войны, когда Бекетов только начинал службу, на дезертиров смотрели сквозь

БЕСОВСКАЯ БАНДА

пальцы. Их отлавливали и чаще возвращали в их же части. Иногда отправляли в арестантские роты. И только если особо неугомонные бежали с фронта в третий раз, то могли отправить на каторгу, а то и казнить. Но со временем дезертирство приняло такие масштабы, что грозило растворить всю армию, как кипяток растворяет сахар. И в начале 1916 года был принят новый закон. Теперь за побег в военное время грозило до двадцати лет каторжных работ или смертная казнь. И если сначала военное правосудие еще цацкалось, то с каждым днем становилось все злее.

Так что светил Бекетову расстрел. Особенно если принять во внимание, что его записали в компанию к команде мародеров и разбойников, с которыми его задержали в поезде. Те архаровцы с мешками кого-то из обывателей убили, добро нагнали. И только согласно кивали в ответ на вопрос, был ли Бекетов вместе с ними. Зачем им это надо? Скорее всего, полагали — чем больше народу в их шайке, тем выше шанс отвертеться от смертной казни. Всех же не перестреляешь. А самого Бекетова никто не слушал. Хотя если дознаватели копать вглубь начнут, тут тоже ничего хорошего ждать не приходится. Выплывет история с убийством капитана Лазарева. И вот тут без каких-либо лишних вопросов поставят к стенке.

Десятки задержанных в поездах солдат плотно набились в просторной камере с низким сводчатым потолком и мощными железными решетками на узких окнах. Здесь некогда была трапезная монастыря.

Ежедневно кто-то пытался выдрать или подпилить решетки, но те были сделаны на совесть и не поддавались. Да и окна вели во двор монастыря, отлично просматриваемый и простреливаемый караулом. Коридор, в который выходила камера, тоже перекрывался дверьми и решетками. Так что бежать было бесполезно.

Трапезная отапливалась лишь дыханием постояльцев. Холод там стоял страшный, поэтому шинели у арестованных не забирали. И Бекетов, зябко съжившись на нарах, не раз хвалил себя за то, что так предусмотрительно забрал шинель у капитана Лазарева. Ну как забрал — снял с тела. Но это сейчас неважно. А важно было то, что шинель эта грела.

Потекли дни за днями в заключении. От холода и неопределенности солдаты почти не общались друг с другом. Больше были погружены в мрачные думы о своей судьбе.

Бекетову было страшно жалко себя. Никого на свете больше не жалко, а себя до дрожи. Вот, кажется, скажи ему сейчас голос свыше: «Весь мир погибнет, а ты один останешься жить. Согласен?» Так он на коленях ползал и от

БЕСОВСКАЯ БАНДА

счастья такого лоб в поклонах разбил бы. Но вот только не скажет ему никто такого. А прозвучит приговор военно-полевого суда, который тут же приведут в исполнение. «Пли!» — и все.

В общем, мысленно Бекетов с жизнью распрощался. И только по привычке истово молился Богу, целуя крестик на груди, чтобы отвел Всевышний беду от раба своего.

А Бог взял да услышал!

Тем утром скудный завтрак не принесли. Народ начал роптать и кричать, бить в дверь камеры. Но это не произвело никакого видимого эффекта.

Неожиданно тяжелая, обитая металлом деревянная дверь с лязгом открылась. На пороге возник крупный отъевшийся охранник со счастливым лицом. Он ликующе возвестил:

— Братцы! Царь отрекся! Правительство временное! Войне конец! Выходите! Вольным воля!

Ответом ему было оторопелое молчание.

— Теперь мы хозяева в Державе! — опять завопил охранник.

И тут вся толпа взорвалась криками. Да и рванула из переполненной камеры в морозный мартовский день 1917 года.

Когда людская масса схлынула, то на полу остался выпустивший ее на волю охранник. Ему кто-то по старой памяти хорошенько саданул ку-

лаком в живот, и он теперь, переводя дыхание, думал, не погорячился ли, выпуская этот сброд на свободу. Как оказалось, у безудержной свободы бывают не только баловни, но и жертвы...

ГЛАВА 4

1932 год

На дверях здания с колоннами стоял строгий часовой в тулупе и валенках — морозы в конце января стояли трескучие.

Апухтин вежливо обратился к нему:

— Мне к товарищу Державину.

— Назначено? — хмуро осведомился часовой.

Апухтин показал предписание о направлении в распоряжение ОГПУ.

Часовой критически осмотрел визитера с ног до головы. Был тот невзрачный, блеклый, худенький, невысокий. И очень молодой. Одет затрапезно — в потертое пальтишко, на голове шапка-ушанка, в руках потертый фибровый чемоданчик и неожиданно солидный кожаный портфель с золотыми застежками. В целом особо доверия эта личность не вызывала. Но предписание есть предписание — пришлось вызывать дежурного.

Дежурный, ознакомившись с документами прибывшего, кивнул:

— Меня о вас предупреждали.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

После чего собственноручно выписал пропуск и провел гостя в здание. Они прошли по коридорам, заполненным разношерстным народом в военной и милицейской форме, партикулярном платье, мечущимся с документами под мышкой и чайниками в руках. Здесь царила так хорошо знакомая Апухтину суэта советского учреждения.

В небольшой приемной за узким столом, на котором стояли два массивных черных эбонитовых телефона, гордо возвышалась сухошавая некрасивая секретарша лет тридцати, на ее голове была повязана в комсомольском стиле косынка. Таблички на дверях приемной указывали на обитателей кабинетов. Справа обустроился начальник краевого Управления ОГПУ, а слева — его заместитель.

— Раздевайтесь и проходите, вас ждут, — сухо произнесла секретарша.

Апухтин повесил на круглую напольную вешалку свое знавшее лучшие времена пальто с воротником из кролика, закинул шапку-ушанку. Стянул галоши и поставил их на специальную подставку. Пристроил рядом чемоданчик с дорожными пожитками. Пригладил перед зеркалом в углу приемной волосы, поправил галстук. Потом остановился перед дверью заместителя начальника ОГПУ, поежившись.

От знакомства с новым руководителем много зависело в его дальнейшей работе и жизни. А по

практике он знал, что начальником вполне мог оказаться грубиян, самодур или верхогляд. Поэтому переступал порог кабинета опасливо.

Из-за стола поднялся мужчина среднего возраста и среднего роста, с непомерно широкими плечами. Вышел, протянул громадную, квадратную руку, в которой утонула узкая ладонь гостя.

— Товарищ Апухтин. Присаживайтесь! Ждали вас. Ждали и надеялись, — улыбнулся он и нажал на кнопку звонка на столе.

В комнате тут же возникла секретарша. И хозяин кабинета попросил:

— Лизонька, голубушка, а не устроишь ли ты нам горяченького чайку? Товарищ Апухтин с мариоза. А нам молодые кадры беречь надо.

Апухтин примостился за длинным столом для совещаний. Хозяин кабинета уселся не на свое место, а напротив, тем самым создавая доверительную атмосферу.

Отвечая на дежурные вопросы — как добрался, как настроение и дела в Свердловске, Апухтин внимательно оглядывался и изучал детали. Заместитель начальника управления всем своим видом и манерой обращения вызывал доверие. Судя по всему, человек огромной физической силы, он двигался осторожно, будто боясь кого-то ненароком раздавить. Улыбка вполне доброжелательная. Лицо немножко наивное, но

БЕСОВСКАЯ БАНДА

взгляд острый и умный. Кабинет — обычный, с кожаным диваном, на котором хозяин наверняка не одну ночь провел, когда не мог добраться домой — работа такая. Но больше всего привлекали внимание книжные шкафы вдоль стены. Там были обязательные труды классиков и практиков — Маркса — Энгельса, Ленина, Сталина. Но еще много посторонней литературы. Это и труды философов, и книги великих дореволюционных писателей — Льва Толстого, Гоголя — и современных вроде Шолохова и тоже Толстого, но Алексея. Похоже, книги здесь были не для антуража, а их действительно читали. Может, повезло, и хозяин кабинета относился к людям не только лихого дела, но и умного слова? Апухтин насмотрелся на когорту грубых и несдержанных начальников правоохранительных ведомств, относящихся к людям только дела, они все норовят рубить шашкой, обо всем широком имеют узкое мнение и не терпят противоречий. С такими работать трудно. А с людьми слова всегда можно сработаться интеллигентному человеку... Ладно, поглядим.

Секретарша принесла поднос. На нем были два стакана с крепким чаем, в серебряных подстаканниках, и тарелка с печеньем.

Отхлебывая горячий ароматный напиток, собеседники перешли наконец к делу. С недавнего времени милиция и уголовный розыск фактиче-

ски перешли под управление органов ОГПУ. Теперь чекисты отвечали и за правопорядок, а Державин был куратором, у которого в руках все нити в борьбе с уголовной преступностью в Северо-Кавказском крае.

— Места у нас тут всегда зажиточные были и беспокойные, — прихлебывая чай, объяснял Державин. — Со всей Руси сюда лихой люд тянуло. Пересечение многих путей. Транспортные узлы и развязки. Кавказ рядом со всеми его феодальными пережитками. Растущая как на дрожжах промышленность и торговля. Всегда здесь было чем поживиться. А еще тут сложились стойкие воровские традиции, поразившие часть деклассированного населения. Ты, товарищ Апухтин, представить себе не можешь, какой бандитизм тут творился еще лет десять назад. Дошло до того, что специальное постановление правительства было по ситуации в нашей губернии. Ростов-папа.

— И Одесса-мама, — кивнул Апухтин.

— Точно! Значит, владеешь обстановкой! Так эти традиции ведь остаются. Немало еще народа, который застыл в темном прошлом, не желая в будущее.

— Это мы исправим, — усмехнулся Апухтин.

— Конечно. Кого-то пригласим в это будущее. Кого-то затолкаем. А кого-то и оставить придется на обочине, — прищурился недобро

БЕСОВСКАЯ БАНДА

Державин, и в его глазах мелькнула та самая хваленая чекистская опасная искорка.

— Это да. — В целом Апухтин с таким подходом был согласен.

— В общем, шальной народец у нас. Убивают и грабят почем зря. Вон, полгода назад бандитскую шайку взяли. Паршивцы сами себя «черными масками» гордо именовали. Нападали на квартиры, дома. И особенно магазины единой потребительской кооперации им приглянулись. Так там только активных «солдат» двадцать три было!

— Да, это размах! — с уважением проговорил Апухтин.

— Ничего, всех взяли как миленьких. Товарищи у нас в органах подобрались боевые. Что на пулю бандитскую, что врукопашную всегда готовы. Но подхода какого-то системного к делу нет. Ухватки хитрой. Поэтому и попросил я помощи. Вот тебя, товарищ Апухтин, и прислали. Как человека молодого, но уже заслуженного и отмеченного.

Апухтин невольно поморщился. Он терпеть не мог, когда на него возлагали большие надежды. Потому что к ним прилагалась и большая ответственность.

Державин с пониманием посмотрел на него:

— Да не бойся ты. Вместе сдюжим. Где-то ты свежим взглядом что разглядишь. Где-то мы тебе

своим опытом поможем. Но эту кровавую баню мы прикроем. — Он хлопнул огромной ладонью по столу так, что стаканы подскочили...

ГЛАВА 5

1917 год

Добирался Бекетов до дома долго. Точнее, даже не добирался — не слишком его туда и тянуло, а просто слонялся по русским просторам, дыша грозovým воздухом свободы.

В апреле он прибыл в Петроград, поразивший своими масштабами, красотой и многолюдьем. Там очень удачно пристроился в солдатских казармах, испытывавших на себе все радости самоуправления армейских комитетов.

Столица Российской империи бурлила. В ней сошлись гигантские природные народные силы, от близости к которым Бекетов расправлял плечи и сам будто бы становился значительным.

Петроград был наводнен самым разношерстным и часто сомнительным народом. Туда стекались авантюристы, горлопаны всех мастей. А еще сбежавшие с фронта солдаты. Вернувшиеся из Сибири уголовники, выпущенные Временным правительством и прозванные «птенцами Керенского» по имени министра юстиции, инициировавшего беспрецедентную амнистию как политическим узникам, так и уголовным элементам.

БЕСОВСКАЯ БАНДА

И все они неслись в каком-то безумном бесконечном круговороте.

Власти как таковой в столице не было. Улицы были предоставлены толпе, и некому было ввести ее хоть в какие-то берега. Из семи тысяч городских в феврале 1917 года убили половину, их трупами были завалены все каналы. Их попытались заменить народной милицией из бывших гимназистов, рабочих и студентов. Получалось у них с выполнением служебных обязанностей совсем плохо. Так что наводить порядок никто не спешил. Гуляй, рванина, обыватель, прячься.

Временное правительство никто не воспринимал всерьез. Зато повсеместно создавались советы рабочих и солдатских депутатов. Готовился их Всероссийский съезд, и было ощущение, что он-то и будет решать судьбу страны.

Бесконечной чередой в Петрограде следовали митинги, конференции, собрания. Что ни день, то возвращался из ссылки или из-за границы очередной знаменитый революционер, в связи с чем опять массовые сборища и демонстрации.

Словно плотный колпак сплоченной целеустремленности висел над огромными толпами. Бекетов в них будто попадал в единую волну и вместе со всеми что-то горланил, требовал, кому-то грозил. Циничный дезертир, не так давно застреливший своего командира, поддавшись общему настроению, ощущал, как по его